

Внезапно малыш вспомнил, что именно этот противный «дядя», стоящий рядом, что-то сказал его отцу, и тот внезапно перестал его обнимать.

Дао-лорд Цинхун почувствовал странное недоумение:

«Я ведь еще совсем молод, да? К тому же я учитель твоего отца, как ты можешь быть таким невоспитанным!»

Фаньфань повернулся и сердито уставился на Дао-лорда Цинхуна.

«Он даже умеет хмуриться!» — подумал Дао-лорд Цинхун, хотя в глубине души почувствовал легкую неловкость. Однако его холодное лицо оставалось бесстрастным.

— Почему Инь-инь не поручил слугам присматривать за ним? — Дао-лорд Цинхун бросил взгляд на маленького проказника, который сейчас плотно прижался к груди Ли Фаньиня.

— Он слишком привязчивый! — с легкой «неприязнью» ответил Ли Фаньинь.

— А, так ли это? — Дао-лорд Цинхун снова задумался, как бы избавиться от этого малыша. Тот постоянно использовал свой возраст как предлог, чтобы приставать к Инь-иню, и это было просто невыносимо!

— Инь-инь, чувствуешь ли ты, что твое мастерство начинает ослабевать?

— В духовной области было ощущение, но сейчас все снова успокоилось, — с некоторым смущением ответил Ли Фаньинь.

— Однако, совершенствование требует полной концентрации, не позволяй себе отвлекаться! — На самом деле он хотел сказать: «Не позволяй этому малышу забирать все твое внимание».

Но эти слова звучали бы слишком прямо, поэтому он лишь намекнул, даже не заметив, как в его голосе появилась легкая ревность.

Ли Фаньинь воспринял это как заботу учителя о его практике и ответил:

— Спасибо за напоминание, учитель!

Цинхун, глядя на чистые глаза Ли Фаньиня, почувствовал раздражение:

«Почему Инь-инь бывает таким умным, когда не нужно, и таким глупым, когда это важно?»

«Ладно, лучше подумаю, как найти повод, чтобы Инь-инь отправил этого малыша куда подальше!»

С этими мыслями он собрался уходить. Но как только он сделал шаг, малыш, который до этого притворялся обиженным и искал утешения, вдруг поднял голову и, глядя на него с вызовом, сказал:

— Папа, сегодня ты снова будешь спать со мной!

Ли Фаньинь задумался. Кажется, в детстве он тоже постоянно приставал к своему отцу, не отходя ни на шаг. Его отец как-то даже пошутил, что в детстве, стоило ему лишь подумать о разлуке с ним, как он начинал капризничать и говорить:

«Папа, как только я думаю, что мне придется хоть на мгновение расстаться с тобой, у меня в груди становится так больно!»

Как он мог говорить такие вещи в детстве? Это просто невыносимо вспоминать! Но отец ведь не стал бы врать. Ли Фаньинь задумался, его лицо выражало легкое смущение.

— Хорошо, я буду спать с тобой, — спокойно ответил он.

Дао-лорд Цинхун, наблюдая за сменой выражений на лице Ли Фаньиня, думал, что тот в конце концов не согласится на эту капризную просьбу.

Но он согласился!

И, как и ожидалось, малыш, одетый в одежду того же лунно-белого цвета, что и Инь-инь, повернулся к нему и широко улыбнулся, явно довольный собой.

Дао-лорд Цинхун:

— ...

«Этот малыш просто становится невыносимым, нужно как можно скорее от него избавиться, иначе он испортит Инь-иня!» — с раздражением подумал он.

После ухода Дао-лорда Цинхуна Ли Фаньинь скучающе наблюдал, как малыш возится сам с собой.

Внезапно он почувствовал, что его шея и ключица начали нагреваться. Он посмотрел на кольцо, висящее на красной нитке, и с удивлением спросил:

— Папа?

— Да, — из кольца Юй-и действительно донесся низкий и глубокий голос Ли Аньсюаня, звучащий так, будто он находился рядом.

— Инь-инь, скучал ли ты по мне? — в голосе звучала легкая улыбка.

— Да! — Ли Фаньинь ответил почти не задумываясь. Произнеся это, он вдруг осознал, что был слишком откровенен перед отцом, недостаточно сдержан.

— Ха-ха... — с другой стороны раздался громкий смех. Ли Фаньинь почти чувствовал, как грудные мышцы отца вибрировали от смеха.

Привычка — страшная вещь. В последние дни, проведенные с Фаньфанем, малыш постоянно спрашивал:

«Папа, ты меня любишь?»

Сначала он не хотел отвечать прямо, это казалось слишком откровенным. Но со временем он привык к такому ритму. В результате даже перед отцом он потерял свою обычную сдержанность и стал слишком откровенным.

— Инь-инь, возможно, я приеду к тебе чуть позже. Тогда я подарю тебе большой подарок! — из кольца Юй-и донесся ласковый голос Ли Аньсюаня, от которого сердце Ли Фаньиня забилось быстрее.

— Папа, не нужно, твое присутствие — уже самый большой подарок!

— Всего несколько дней! — сказал Ли Аньсюань, подняв взгляд на каменную стену, где находился еще не раскрывшийся зеленый бутон цветка Юмин. — Максимум две недели.

— Папа, что ты делаешь? — внезапно из кольца донесся детский голос.

— Иди, поиграй сам, — Ли Фаньинь посмотрел на Фаньфаня.

— Кто это? — голос Ли Аньсюаня внезапно стал строгим, с ноткой неосознанного напряжения.

— Это мой сын. Когда ты приедешь, я тебе все расскажу!

— Сын Инь-иня? — Ли Аньсюань произнес это слово за словом, чувствуя, как его сердце начинает биться чаще. — Как у Инь-иня может быть сын? Когда это случилось? — в его голосе невольно прозвучал вопрос.

— Это было случайное стечение обстоятельств. Сейчас сложно объяснить, расскажу, когда ты приедешь, хорошо? — Ли Фаньинь не заметил странностей в голосе отца.

Ли Аньсюань же был настолько взволнован, что хотел немедленно вернуться и посмотреть, кто этот смельчак, который посмел стать «сыном» Инь-иня без его разрешения.

— Как он появился? Пусть вернется туда, откуда пришел. — На его лице исчезла улыбка, но он сдержался, чтобы Ли Фаньинь не заметил его недовольства.

— Папа, его зовут Фаньфань. Он немного привязчивый, но очень милый!

— Очень милый? — Ли Аньсюань уже начал скрипеть зубами.

— Да! — Ли Фаньинь улыбнулся. — Теперь я понимаю, что ты чувствовал в то время.

— Он не может сравниться с тобой! — про себя подумал Ли Аньсюань.

Вслух же он сказал:

— А, так ли это?

— Я уверен, что, когда ты приедешь, он тебе очень понравится!

— Мне совсем не нравится этот малыш! — в сердцах подумал Ли Аньсюань. Хотя он и ждал, пока цветок Юмин расцветет, теперь он чувствовал себя еще более нетерпеливым.

Хотя Ли Аньсюань и Дао-лорд Цинхун были разными по характеру, в отношении Фаньфаня они были удивительно единодушны. Оба считали, что, каким бы милым ни был этот малыш, его нужно немедленно невзлюбить. Ведь он не только проводил с Инь-инем все время, но и успешно привлекал его внимание.

У него даже возникло желание немедленно отправиться в Секту Фаньмэн и посмотреть, как выглядит этот наглец.

— Еще, папа, он — воплощение цветка Цзеюй. Как его нужно воспитывать? — внезапно спросил Ли Фаньинь.

Услышав это, Ли Аньюань опешил, чувствуя одновременно смех и досаду:

«Так это просто какая-то трава?» Он зря так переживал.

— Я не трава... — обиженно пробурчал Фаньфань.

— Пусть ест что угодно, лишь бы ел, — безответственно ответил Ли Аньюань.

— Хорошо, — Ли Фаньинь поднял взгляд и увидел, что Фаньфань уже съел половину бутылки пилюль сгущения росы.

Ли Фаньинь:

— ...

Неужели теперь придется кормить его пилюлями? Он с беспокойством подумал, сможет ли он так его вырастить.

Он с тревогой посмотрел на малыша, который с удовольствием ел...

После окончания разговора с Ли Аньюанем малыш уже успел съесть пять бутылок пилюль сгущения росы.

И начал шестую.

Ли Фаньинь опешил, но, быстро опомнившись, выхватил бутылку и спрятал все пилюли, строго сказав:

— Хватит есть!

Фаньфань:

— ...

— У-у, папа, ты меня больше не любишь?

— Может, хватит уже с этим? — Ли Фаньинь вздохнул.

Увидев, что малыш собирается заплакать, Ли Фаньинь вдруг поднял его и поставил на пол:

— Папа поведет тебя гулять?

Малыш, стоя на месте, нахмурился, подумал и серьезно кивнул.

Ли Фаньинь же подумал, что, если его учитель узнает, что ему придется постоянно «готовить» для этого малыша, не рассердится ли он?